

*В.Ф. АНУРИН*

## **Постмодернизм: в поисках материального фундамента**

В тоне некоторых статей по проблемам постмодернизма, вышедших из-под пера отечественных авторов, довольно явственно сквозит раздражение, агрессивность и даже отчаяние, если не сказать - паника. Чего стоят диагнозы, сформулированные в заголовках, например: "мозаичность сознания" (Л. Зеленев) или "распад сознания" (Е. Золотухина-Аболина). П. Гречко в своей статье, опубликованной в № 2 журнала "Общественные науки и современность" за 2000 год, отмечает, что "наше (чье именно? - В.А.) отношение к постмодернизму становится все более жестким и негативным" [Гречко, 2000, с. 166].

Вот один из аргументов оппонентов постмодернизма: «Аморфность, всеядность, эклектика, плюрализм, беспринципная альтернативность - вот их "идеология". Я могу понять импрессионистов или сюрреалистов, кубистов или абстракционистов, акмеистов или футуристов, экспрессионистов или дадаистов и пр., но у постмодернизма нет никакой ИДЕОЛОГИИ. Они паразитируют на достижениях предшествующих эпох. Они несостоятельны, говоря словами А. Моля, ни в "поле сознания", "ни в поле бытия"» [Зеленов, 2000, с. 15]. А вот другой: "Постмодернистское видение - одна из возможных интерпретаций текущей истории... И притом весьма разрушительная. Поистине трагедией оказывается то, что именно она, став сначала интеллектуальной модой, сделалась идейным и методологическим фундаментом средств массовой информации" [Золотухина-Аболина, 1997, с. 191, 192].

Мрачновато. Однако нельзя не согласиться с тем же Гречко, что "наша отечественная критика постмодернизма не всегда предметна и последовательна" [Гречко, с. 170]. Прежде всего, подчас неясно, что же именно называют критики постмодернизмом. Можно понять, что Е. Золотухина-Аболина ведет речь о неких тенденциях, складывающихся в массовой, прежде всего телевизионной культуре, но ведь это же далеко не весь постмодернизм. Гречко сетует, что "мы не можем даже перевести этот термин на русский язык" [Гречко, с. 166]. А зачем, кстати, нужен этот дословный перевод?

Внедрение иноязычных терминов в терминологию той или иной научной дисциплины - дело вполне обычное, причем не только для русского языка. Здесь практически все решает приоритет введения данного термина в научный оборот. Откройте англоязычные толковые словари по социологии, изданные в Великобритании, и вы обна-

*А н у р и н Владимир Федорович - доктор социологических наук, профессор Нижегородского коммерческого института.*

ружите там обилие концептов, обозначаемых, к примеру, немецкими словами: *verstehen*, *gemeinschaft*, *gesellschaft* и др. В конце концов, и столь привычные сегодня любому социологу словосочетания "социальная структура", "социальная стратификация", даже "социальный класс" не имеют ни одного славянского корня. Сетовать по этому поводу и пытаться найти тождественные понятия в родном языке - все равно что настаивать на употреблении "окоём" вместо "горизонт" или "мокроступы" вместо "галюши"; а если подложить сюда еще идеологическую подкладку, то недалеко и до пресловутой борьбы с космополитизмом.

Однако определения постмодернизма как особого социального явления существуют и притом уже устоявшиеся. Примем в качестве рабочего определения приведенное в довольно известном Коллинсовском словаре по социологии: "*постмодернизм* - это совокупность теорий (включая новые течения в архитектуре и искусстве, равно как и социальные теории, такие, например, как постструктурализм), описывающих социальные изменения, связанные с переходом от *модернити* (и модернизма) к пост-модернити, или объясняющих эти изменения" [Collins... 1995, p. 509].

Понятно, что прежде чем разобраться с постмодернизмом, следует определиться с тем, что же такое модернити и пост-модернити. Модернити - это не что иное, как сама "современная эпоха или идеи и стили, ассоциирующиеся с нею". Последнее понятие тот же словарь трактует как "культурную и идеологическую конфигурацию, призванную заместить или замещающую модернити" [Там же].

Кстати, оба эти термина - модернити и пост-модернити - уже достаточно часто и все более привычно звучат в работах многих отечественных социологов (на мой взгляд, само это лингвистическое взаимообогащение - также одно из проявлений постмодернизма). И это не просто игра в дефиниции, а нормальное начало любой научной дискуссии: всегда следует договориться, какой именно смысл вкладывается в употребляемые понятия и термины. Если принять приведенные выше определения, то можно считать, что и сами упомянутые в начале данной статьи работы не противостоят постмодернизму, а фактически выступают частью его, поскольку в них предпринимаются попытки определенным (неважно даже, каким именно) образом трактовать процессы перехода от модернити к пост-модернити.

Еще один немаловажный момент. Упомянутые выше авторы (во всяком случае, в рамках цитируемых работ) остаются главным образом, если не исключительно, в русле анализа общих тенденций массовой культуры, а вовсе не пытаются критически осмыслить теоретические дискурсы тех западных философов и социологов, которые первыми распахивали целину постмодернизма. Между тем постмодернизм - это не просто мозаика идей и образов, навязываемых сегодня широкой публике со стороны масс-медиа (через обезличенное TV и не менее обезличенный Интернет). Это, как мы уже договорились, определенная совокупность теорий и архитектурно-художественных течений, за которыми стоят вполне конкретные имена. Между прочим, западные теоретики постмодернизма тоже испытывают сомнения и тревоги, хотя порой в несколько ином ключе. Так, один из наиболее влиятельных представителей постмодернизма французский социолог Ж. Бодрийяр указывает, что бесконечное повторение (*reduplication*) знаков, образов и симуляций, все более пронизывающее не только масс-медиа, но и другие сферы социальной жизни, в конечном счете стирает всякие различия между вымыслом и реальностью. При этом он выражает тревогу за то, что сам он называет "триумфом знаковой культуры" [Baudrillard, 1983]. Его соотечественник Ж. Лиотар особо говорит о такой отличительной черте постмодернизма и пост-модернити, как вытеснение любого "большого повествования" (*grand narrative*) более локальными "эксаунтами". Еще одна черта постмодернизма, обсуждаемая в критическом плане некоторыми теоретиками, это тенденция стирания границ между "высокой" и "низкой" культурой - например кино, джазом и рок-музыкой [Lash, 1990].

Один из наиболее важных моментов, ускользающих, на мой взгляд, от многих отечественных критиков постмодернизма, заключается в том, что, в отличие от них, за-

падные аналитики постоянно подчеркивают связь этого нового идейно-теоретического течения с наступлением так называемой "постиндустриальной эпохи", с возникновением постиндустриального общества. Это означает, что сам постмодернизм, как и анализируемые в нем явления, - не только продукт изменений, происходящих в социальных отношениях вследствие перехода от индустриального общества (модернити) к постиндустриальному (постмодернити), но и существенная часть этих изменений. Поэтому анализ проявлений постмодернизма в духовной сфере и причин их возникновения следовало бы, вероятно, начинать именно с тех реальных социальных изменений, которые имеют место при трансформации индустриальной цивилизации в постиндустриальную. Возможно, поэтому работы отечественных экономистов, анализирующих постмодернистские тенденции, содержат заметно более взвешенные и умеренные оценки (см., напр. [Евстигнеева, Евстигнеев, 2000]).

В ряде недавних работ мною предпринята попытка разработать своеобразную матрицу главных социальных изменений при переходе от одного типа общества к другому [Анурин, 1998, с. 327; 1999<sup>а</sup>, с. 54; 1999<sup>б</sup>]. Полностью она достаточно громоздка, чтобы привести ее здесь, поэтому ограничусь общим описанием и несколько детальнее рассмотрю переход от индустриального общества к постиндустриальному. Столбцы матрицы являют собою четыре известных нам типа обществ: примитивное, традиционное, индустриальное, постиндустриальное; по строкам же идут восемь крупных параметров социальных институтов. Эти параметры суть: 1) общий характер социального устройства; 2) характер участия членов общества в управлении его делами; 3) господствующий характер экономических отношений; 4) общий характер организационного и технологического уровня; 5) структура занятости; 6) характер поселений; 7) уровень и масштабы образования; 8) характер развития научных знаний и роль науки в жизни общества. Познавательная полезность такой матрицы заключается в следующем: столбцы предоставляют комплексную (а главное - единообразную, что дает возможность сравнительного анализа) систему взаимосвязанных характеристик того или иного конкретного типа общества: строки позволяют проследить, в чем именно выражаются социальные изменения при переходе от одного типа общества к другому. Последовательное сравнение ячеек двух последних столбцов дает возможность увидеть по каждому из восьми перечисленных параметров суть социальных изменений при переходе от индустриального общества к постиндустриальному (или, что то же самое, от модернити к пост-модернити). Однако прежде чем перейти к такому сравнению, целесообразно сделать три предварительных пояснения.

Во-первых, следует указать, что переход от одного типа общества к другому происходит в результате так называемых глобальных революций. Мы называем их глобальными потому, что их развитие не знает национальных границ; кроме того, различаясь по историческому времени для разных стран и народов, они вызывают примерно одинаковые последствия (во всяком случае, на макроуровне); наконец, эти последствия сказываются уже не только на жизни людей, но и на их природном окружении. Более распространенное наименование этих революций - *технологические*, что также указывает на их тесную связь именно с производительными силами (хотя этим далеко не исчерпывается их содержание).

Переход от примитивного общества к традиционному - это результат аграрной революции (поэтому иногда традиционное общество именуют также аграрным). Трудно сказать, сколько продолжалась эта революция, но можно предполагать, что для европейских и азиатских обществ она заняла не одно тысячелетие [Морган, 1935; Энгельс, 1960]. Около 250 лет назад началась новая глобальная революция - *индустриальная*. Она дала мощный толчок невиданному за всю предшествовавшую историю развитию производительных сил. Человеческое общество в результате промышленной революции переходит в качественно иное состояние, именуемое *индустриальной цивилизацией*. Сегодня наиболее продвинутые общества переживают начало еще одной глобальной революции - *информационной*. Эта революция превра-

щает информацию (практически любую!) в благо, доступное для массового потребления, - подобно тому, как промышленная революция делает массово доступными материальные блага. Владение и пользование знаниями перестают быть привилегией избранных. Но речь не только об этом. Информационная революция (как, впрочем, и обе предшествующие ей глобальные революции) ведет к коренному качественному изменению большинства общественных отношений практически во всех сферах социальной жизнедеятельности. В результате общество переходит на стадию новой - постиндустриальной - цивилизации. Особую роль информации в постиндустриальном обществе отмечал еще Д. Белл, когда указывал, что здесь собственность как базовый критерий социальной стратификации и стержневая основа общественных отношений постепенно начинает утрачивать свое значение, решающим становится уровень образования и знания<sup>1</sup>.

Индустриальную революцию обычно отсчитывают от 1764 года, когда были запатентованы два великих изобретения, давших ей своеобразный толчок, - многоверетенная прялка "Дженни" (Дж. Харгривс) и паровая машина (Дж. Уатт). А существует ли своя "точка старта" для информационной революции? Нам представляется, что ее обнаружил американский экономист Т. Стюарт: «В 1982 году на покупку компьютеров и телекоммуникационного оборудования американские компании израсходовали 49 млрд долл. К 1987 году эта сумма подскочила до 86,2 млрд долл. и продолжала расти. Если изобразить динамику капитальных затрат "промышленного" и "информационного" века в виде графиков, то будет видно, что обе линии пересекаются в 1991 году, когда расходы на приобретение промышленного оборудования составили 107 млрд долл., а на закупку информационной техники - 112 млрд долл. Будем считать его первым годом информационного века» (цит. по: [Новая... 1999, с. 374]).

Второе замечание касается процесса *конвергенции*, который так или иначе разрабатывали большинство современных социологов, изучавших тенденции развития современного индустриального общества, - П. Сорокин, Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, У. Ростоу, Х. Шельски и др. Идея конвергенции, напомним, предполагает, что процесс индустриализации продуцирует общие и единообразные политические и культурные характеристики различных обществ, которые до индустриализации могли иметь весьма различающееся происхождение и социальные структуры. Все общества, вступившие на путь индустриализации (или модернизации), рано или поздно сходятся к некой общей точке, поскольку индустриализация для своего успешного осуществления требует определенных (одинаковых для всех) качественных изменений. В самом деле, те страны, которые дальше других продвинулись по пути модернизации, становятся все более похожими друг на друга в самых различных сферах жизнедеятельности, при этом этнические и национально-культурные особенности в какой-то степени отодвигаются на периферию социальной жизни. Именно благодаря этому и становится возможным говорить о типологии обществ и цивилизаций. Отмечу также, что тезис конвергенции мог быть разработан именно в рамках социологической науки, ибо, "в отличие от истории и других индивидуализирующих наук, социология является генерализирующей наукой" [Сорокин, 1992, с. 161], она изучает не уникальные социокультурные феномены, а повторяющиеся, типичные для всех стран и народов, находящиеся на одинаковом уровне эволюционного развития. На мой взгляд, в постмодернистскую эпоху конвергенция должна проявляться в еще большей степени.

И еще одно предварительное замечание. Пока невозможно отнести к сложившейся постиндустриальной цивилизации ни одно из существующих сегодня в мире обществ, даже из числа наиболее продвинутых. Пост-модернити проявляет себя лишь в форме тенденций - более отчетливых для самых развитых стран и несколько размытых для

---

<sup>1</sup> Именно поэтому нам представляется гораздо более четким иное название этого нового общества - информационное - по сравнению с несколько аморфным и неопределенным "постиндустриальное" (т.е. после-индустриальное). Тем более что подлинное название цивилизации, по сути, дает та глобальная революция, в результате которой она возникает.

тех, что идут за ними по пятам. Однако эти тенденции - едины для всех пост-индустриальных (точнее, движущихся в этом направлении) обществ.

Попытаюсь проследить те макросоциологические изменения, которые характеризуют переход от индустриального общества к постиндустриальному (соответственно, от модернити - к пост-модернити) по каждому из восьми выделенных выше параметров. Учитывая ограниченность рамками журнальной статьи, мы не будем детально комментировать каждый из переходов, осуществляемый в процессе информационной революции, сосредоточившись, главным образом, на собственно информационных аспектах.

### **Общий характер социального устройства**

Если для индустриального общества типичным становится создание национальных государств с четко очерченными границами, возникающих на основе единства экономики, языка и культуры (т.е. образование наций), то одной из главных постиндустриальных тенденций является усиление прозрачности национальных границ, а также возрастание влияния наднациональных сообществ (типа ООН, НАТО, ОБСЕ и т.п.). Другими словами, налицо отчетливые тенденции интегрирования разрозненных прежде обществ в единую социальную суперсистему. Это не может не повлечь за собой, с одной стороны, возрастания встречных потоков самой разнообразной информации, а с другой - повышения уровня открытости информации, в том числе и такой, которая совсем еще недавно во многих странах составляла едва ли не государственную тайну. Нередко приходится слышать, что сегодня хакеры превращают монополию на информацию в блеф. Одновременно на уровне не только научном, но и даже чисто бытовом, повседневном, мы наблюдаем гигантскую интенсификацию обмена информацией. Не случайно многие социологи и системщики все чаще говорят о возникновении так называемого "сетевого общества". Не будем выносить оценок - хорошо это или плохо; просто констатируем этот факт. Кстати, научное знание вообще ненормативно по своей природе, оно избегает вынесения оценочных суждений, а потому должно быть заведомо лишено эмоций. Еще Э. Дюркгейм замечал на этот счет, что наука находится вне нравственности [Дюркгейм, 1996, с. 59].

### **Характер участия членов общества в управлении**

Главным социальным изменением, совершающимся в ходе индустриальной революции, является демократизация политической жизни, которая выражается в предоставлении населению всеобщего избирательного права и в институционализации политической деятельности вокруг массовых партий. Необходимо отметить, что специфические социальные изменения, вызываемые информационной революцией, в этой области проявились в значительно меньшей степени, нежели по другим укрупненным параметрам социальных институтов. Возможно, здесь процессы социальных изменений развиваются медленнее и еще не успели стать непосредственно наблюдаемыми. Тем не менее некоторые из идеологов информационного общества довольно уверенно описывают грядущие тенденции. К числу таких идеологов мы отнесли бы прежде всего знаменитого Б. Гейтса, до недавнего времени возглавлявшего компьютерную империю Майкрософт. Он широкими мазками набрасывает перспективы развития так называемой "информационной магистрали": впервые политические деятели смогут моментально узнавать итоги репрезентативных опросов общественного мнения (и реагировать на них). Избиратели будут голосовать дома или через карманный компьютер при меньшем риске подтасовок результатов выборов или ошибок... Большую активность смогут развить граждане, выдвигая своего кандидата или организуя обсуждение какого-то вопроса. Возрастает число общественных групп со специфическими интересами, а возможно, и число политических партий.

Впрочем, многие из новейших компьютерных и телекоммуникационных технологий реально и достаточно активно используются на этом поприще уже сегодня. Так,

в ходе президентской избирательной кампании в США Республиканская партия использовала метод массовых "он-лайн" конференций одновременно в нескольких штатах (с применением спутниковых каналов, гигантских телеэкранов, диалогового режима и т.д.) для обеспечения публицити своего кандидата Дж. Буша.

### **Господствующий характер экономических отношений**

Главное социальное изменение в этой сфере при переходе от традиционного общества к индустриальному - исчезновение экономики пропитания (*subsistence economy* [Collins... р. 667]) и максимальная коммерциализация производства (с ее широко известным девизом "все - на продажу!", означающие, что теперь любая хозяйственная единица подавляющую часть своей продукции производит для рынка). Господство рыночных и товарно-денежных отношений становится практически безраздельным. Стержнем большинства социальных отношений, включая так называемые "духовные", а также брачно-семейные, становится частная собственность на капитал. Информационная революция не просто количественно пролонгирует эти трансформации, но и качественно преобразует их. В экономической жизни обществ, где наиболее проявились постиндустриальные тенденции, можно наблюдать следующие социальные изменения:

- 1) возрастание роли информации (знаний) и обладания ею;
- 2) снижение значения частной собственности и возрастание значения интеллектуальной собственности;
- 3) глобализация экономики;
- 4) появление электронных денег;
- 5) постепенное превращение информации в основное средство обмена;
- 6) возникновение новой экономической категории "интеллектуальный капитал".

Каждое из этих социальных изменений имеет информационное содержание и заслуживало бы развернутых комментариев. Однако нам по необходимости придется коснуться лишь некоторых. Так, глобализация экономики сегодня наиболее отчетливо проявляется в растущем удельном весе транснациональных корпораций (ТНК) в мировой экономике. Наблюдающийся рост влияния ТНК - это своеобразный аналог тех социальных изменений, что происходят в сфере общественного устройства. Однако идет и встречный процесс - увеличение числа предприятий малого бизнеса - прежде всего венчурных и наукоемких, которые нередко возникают в качестве сателлитов гигантских корпораций. Оба эти процесса сопровождаются невиданными прежде переливами информационных потоков, что уже говорит о том, что промышленный и экономический шпионаж постепенно утрачивают свой смысл.

А что происходит с частной собственностью? Есть основания полагать, что с ее прежних ролей она будет все более вытесняться интеллектуальной собственностью. К определяющим характеристикам интеллектуальной собственности можно отнести следующие ее качества:

- неумничтожимость, сохранение (и даже приумножение) ее сущности в процессе потребления;
- необходимость при переходе прав собственности от одного владельца к другому специальной подготовки нового владельца, распорядителя и пользователя для усвоения этой собственности в сколько-нибудь значимом объеме;
- невозможность полной передачи новому владельцу содержания интеллектуального продукта даже при его отчуждении - в силу невозможности уничтожить информацию об этом в тезаурусе прежнего обладателя;
- способность к самотиражированию, проявляющаяся в определенных условиях социальной среды.

Информация и знания отличаются от денежных, природных, трудовых и технических ресурсов, тех, которые экономисты иногда называют "общественным благом". Это означает, что знания не убывают по мере их использования. Они коренным

образом отличаются от любых других объектов собственности тем, что в принципе неотчуждаемы: приобретение мною некоего объема знаний никоим образом не уменьшает вашей способности приобрести столько же, чего не скажешь, например, о порции мороженого или о месте в автобусе. На стоимость создания знаний не влияет, сколько человек будет пользоваться ими впоследствии. Знания, воплощенные в какой-то книге, будут стоить одинаково, независимо от того, прочтут ли ее 5 человек или 500 тысяч. Поэтому есть основания полагать, что именно интеллектуальной собственности и предстоит в будущем вытеснить, а затем и уничтожить господство отношений частной собственности на средства производства.

### **Общий характер организационного и технологического уровней**

В этой сфере индустриальная революция вызывает следующие радикальные социальные изменения:

- 1) рост концентрации производства;
- 2) установление господства машинного производства (прежде всего, путем механизации, т.е. практически полной замены мускульной энергии энергией неодоушевленных источников);
- 3) трансформацию организационных основ производства путем вытеснения из этой сферы семьи (существовавшей в традиционном обществе в качестве основной хозяйственной единицы) и реорганизацией его на фабричной основе.

Информационная революция наметила новые тенденции. Прежде всего, это развитие так называемых высоких и безлюдных технологий, автоматизация и компьютеризация производственных процессов, а также упоминавшееся выше создание "сетевого общества". Невиданная прежде интенсификация информационного обмена ведет к стремительному возрастанию социального интеллекта<sup>2</sup>. Это приводит к эффективному и быстрому решению проблем, еще совсем недавно представлявшихся почти катастрофическими. Американский экономист П. Пильцер убедительно демонстрирует это на примере острого энергетического кризиса, поразившего Запад в 1973-1981 годах. Решение этой проблемы сложилось не просто в результате разработки новейших технологий, а в конечном счете на основе радикального изменения представлений о значении традиционных производственных ресурсов, а также повышения значимости информации и знаний как основного условия хозяйственного успеха, превращения этих знаний и других индивидуальных способностей человека в новый вид капитала, даже более важный, нежели его традиционные типы (цит. по: [Новая... с. 403-405]).

### **Структура занятости**

На макроуровне можно было бы выделить четыре укрупненных сектора занятости, которые так или иначе охватывают практически все виды профессиональной деятельности: аграрный (сельскохозяйственный); индустриальный (в традиционных обществах - ремесленный); сервисный и информационный (производство, обработка, распределение всех видов информации, включая управление, образование, профессиональные занятия искусством, отправление религиозной обрядности и т.п.). В традиционном обществе не менее двух третей трудоспособного населения должно быть занято в сельском хозяйстве: ограниченный уровень производительных сил просто не позволяет иного соотношения для производства достаточного объема продовольствия (два человека из аграрного сектора, помимо себя, могут прокормить не более одного человека из других секторов, где продукты питания не производятся). Индустриальная

<sup>2</sup> Под социальным интеллектом мы понимаем совокупную способность общества в целом либо какой-то из его подсистем (коллектива людей или социальной группы) к пониманию (т.е. интернализации и использованию) накопленных знаний и к формированию новых знаний [Анурин, 1997].

революция влечет за собой перелив человеческих ресурсов из аграрного сектора в три другие, причем понятно, что быстрее всех растет индустриальный. Информационная революция влечет за собой новое перераспределение.

В середине 90-х годов непосредственно в сельском хозяйстве США было занято 2,5% трудоспособного населения, в промышленности - 21%, в сервисе - более 50%. (Эти данные приводил в своей лекции профессор Джексонского университета С. Макдоналд во время моей стажировки в США в 1994 году.) Остальную четверть можно отнести на счет информационного сектора (не считая, конечно, резервной армии труда). Одновременно необходимо обратить внимание на следующее: если при столь существенном сокращении численности работающих объемы сельскохозяйственной и промышленной продукции не только не сократились, а заметно выросли, то это могло произойти лишь за счет многократного прироста знаний, которыми эти работающие обладают (т.е. опять же количественного и качественного нарастания информационных потоков). И, разумеется, за счет технических, технологических и энергетических новшеств, которые тоже являются естественным продуктом этого прироста знаний.

Большинство теоретиков постиндустриального общества подчеркивают наиболее быстрый рост занятости в сервисном секторе. Однако необходимо учитывать, что "информационная компонента" находит свое применение не только непосредственно в информационном секторе. Если принять во внимание тех работников неинформационных секторов, которые также непосредственно заняты производством и обработкой информации, то цифры могут оказаться заметно внушительнее. Как указывает Т. Стюарт, "к концу века доля американцев, чей труд связан главным образом с материальными предметами... и оказанием непрофессиональных услуг... сократится более чем в два раза, с 83% в 1900 году до примерно 41%. Доля же тех, кто работает, прежде всего, с информацией (в торговле, на управленческих и административных должностях, в свободных профессиях, в промышленности, в учреждениях) увеличится с 17% в 1900 году до 59% в начале следующего века" (цит. по: [Новая... с. 381]).

### Характер поселений

Вряд ли нуждается в комментариях тот факт, что абсолютное большинство членов традиционного общества проживают в сельской местности. Индустриальная революция влечет за собой резкое изменение в структуре сельско-городского континуума. Начинается процесс быстрой урбанизации, что выражается не просто в росте удельного веса городского населения, но и в значительном повышении социальной роли крупных городов. В Англии, на родине промышленной революции, в 1800 году городское население составляло около 24%, а в 1900 - уже 70% [Penguin... 1988, p. 261].

Влияние урбанизации на общую интеллектуализацию жизни представляется достаточно очевидным. Во-первых, города во все времена человеческой истории были центром интеллектуальной и культурной жизни (в традиционных обществах - еще и монастыри), в них сосредоточивались учебные заведения и библиотеки, мастерские архитекторов и художников, а со времени изобретения книгопечатания - и вся издательская деятельность. Во-вторых, городской образ жизни, при всех его противоречиях и издержках, характеризуется такой высокой плотностью самых разнообразных видов социальных контактов, которая ни в каком сравнении не может идти с сельским. А ведь именно эти контакты, как правило, сопровождаются интенсивным обменом самой разнообразной информацией и общей интеллектуализацией социальной жизни.

При переходе к постиндустриальному обществу этот процесс претерпевает серьезные изменения. Почти во всех продвинутых обществах урбанизация протекает по S-образной кривой: медленно нарастает в традиционном обществе, стремительно повышается в период индустриальной революции, а затем плавно снижается в направлении субурбанистического (от англ. *suburban* - пригородный) развития в ходе инфор-



мационной революции. Люди довольно давно поняли экологические и психологические преимущества жизни вне перенаселенных, шумных и загазованных городов, однако в индустриальную эпоху они прикованы здесь к месту работы. Прогресс телекоммуникации, компьютеризации и широкое внедрение сетей дают возможность все большему числу тех, кто занят в отраслях, связанных с производством и обработкой информации, "ходить на работу, не выходя из дома". Они могут общаться со своими работодателями и клиентами по компьютерным сетям вне зависимости от удаленности от тех и других (получая задания, отчитываясь за их выполнение и даже производя расчеты за проделанную работу).

### Уровень и масштабы образования

Если в традиционном обществе образование является уделом тонкого слоя элиты, то это прямо вытекает из того, что наука и производство здесь представляют автономные, практически не связанные друг с другом сферы деятельности. Индустриальная революция решительно соединяет их друг с другом, поэтому одной из наиболее характерных черт индустриального общества становится массовая грамотность. Усложнение техники и технологии, усиление действия закона перемены труда создают все больше стимулов для все большего числа работников к получению образования и постоянному повышению его уровня. По данным Р. Коллинса, в США число выпускников средних школ, приведенное к общей численности населения в возрасте до 17 лет, в период с 1869 по 1963 годы возросло в 38 раз, а аналогичное соотношение для выпускников местных колледжей - более чем в 22 раза [Collins R., 1971].

Что касается постиндустриального общества, то, напомним, еще Белл подчеркивал резкое возрастание значения высшего образования для жизненной карьеры членов этого общества. И это становится достаточно очевидным, если мы вспомним, что говорилось выше о быстром росте информационного сектора занятости. В то же время нельзя не отметить, что информационная революция чем дальше, тем отчетливее высвечивает нарастающий кризис существующей системы образования, которая обрела свои окончательные очертания более века назад. Суть этого кризиса заключается в неэффективности подготовки обучаемых к тому, чтобы справляться (причем не только на профессиональном, но даже на бытовом уровне) с потоками информации, нарастающими лавинообразно. Чтобы овладеть, к примеру, всем тем, что предлагает школьная программа, нынешний школьник, по мнению специалистов, должен проводить 70% своего времени в сутки за учебниками. На сон остается около семи часов. И так 10-11 лет. Но важнее даже не это, а вопрос о том, в состоянии ли даже самый прилежный ученик усвоить всю необходимую ему информацию при такой каторжной работе? Данные моих собственных исследований показывают, что в вузе эта проблема становится еще более острой. Явление, в которое воплотилась эта проблема, получило название "функциональной неграмотности" (см., напр. [Чудинова, 1994]). Следует отметить, что общественность и даже правительства наиболее продвинутых стран уже видят опасность функциональной неграмотности для дальнейшего социального развития и даже предпринимают практические шаги к ее ликвидации. Однако характерным признаком нынешнего этапа информационной революции является не столько решение, сколько хотя бы *осознание* обществом этой проблемы.

Совокупность перечисленных социальных изменений и составляет сегодня суть пост-модернити, и постмодернистские теории призваны описывать их и объяснять. Что касается массовой постиндустриальной культуры, то она, на мой взгляд, представляет собой своего рода "побочный продукт" описанных социальных изменений и пока еще весьма далека от того, чтобы приобрести окончательные и завершенные очертания. Культура эпохи модернизма складывалась как отражение идеи рационализма, ибо именно рационализация всей общественной (а не только экономической)

жизни выступает одним из стержневых направлений индустриализации, на что указывал еще М. Вебер. Возможно, наиболее отчетливо это стремление к рационализации проступало в архитектурных формах, однако если приглядеться, то оно заметно и в живописи, скульптуре и даже в какой-то степени в литературе. Что касается постмодернизма, то его главной идеей становится, повторяю, существенное возрастание роли информации практически во всех социальных процессах. Элементарной же единицей информации является, как известно, знак (символ). Отсюда и "триумф знаковой культуры", на который указывал Бодрийяр.

Несколько слов об идеологии. Давайте опять же договоримся, что следует понимать сегодня под "идеологией"<sup>3</sup>. В наиболее общем виде это, на мой взгляд, система идей (более или менее четко сформулированных), выражающих и защищающих особые интересы той или иной социальной группы. Вообще, учитывая исходное определение постмодернизма как совокупности теорий (причем самого разнообразного толка), говорить об "идеологии постмодернизма", вероятно, просто бессмысленно. Можно, однако, говорить о постмодернистской идеологии (которая сама является частью постмодернизма). И в этой связи следует, прежде всего, определить, какие социальные группы наиболее явно выступают сегодня в качестве полноправных представителей тенденций пост-модернити. Разумеется, это прежде всего та часть работников информационного сектора, которые заняты разработкой передовых информационных технологий. Необходимо отметить, что они свою идеологию уже формулируют. Выше я приводил пример из книги Гейтса "Дорога в будущее". Подобные ей работы вполне можно рассматривать как своеобразный манифест творцов информационных технологий. Правда, это довольно неблагодарное занятие - оценивать будущее с позиций сегодняшнего - с таким же успехом выразители идей традиционного общества могли бы судить модернизм. А мозаичность - что ж? Мозаичность - естественное состояние периода перехода от одной эпохи к другой. Разве те течения модернистского изобразительного искусства, которые упоминает Зеленев, не представляли собой в конечном счете достаточно пеструю мозаику?

Насколько характерен постмодернизм для современной России? Здесь опять же нельзя не согласиться с Гречко: "Какой там постмодернизм! Нам бы побольше модернизма, т.е. разума, прогресса, эмансипации-свободы" [Гречко, с. 170]. Пожалуй, даже в наиболее продвинутых странах далеко не все члены общества живут в эпохе постмодернити (иначе зачем, к примеру, тратилось бы столько сил и средств на ликвидацию функциональной неграмотности?). Россия же основательно поотстала в этой гонке. Возможно, вследствие того, что заметно позднее других вышла на старт модернизации. А может быть, дело в том, что в Западной Европе и Северной Америке индустриализация развивалась по законам органической эволюции, а у нас - она совершалась самыми варварскими методами, с широкомасштабным использованием откровенно рабского труда. Это, конечно, не могло не отложить своего отпечатка на сознании членов общества.

Вспомним также концепцию С. Хантингтона, в соответствии с которой наиболее благоприятная почва для социальных революций складывается в тех обществах, которые уже вступили на путь модернизации, но еще не осуществили ее. В этом случае растет разрыв между растущим уровнем политического развития широких масс и отстающим от него уровнем соответствующей модернизации политических институтов, что и ведет в конечном счете к социальным катаклизмам (см. [Современная... 1990, с. 290]). Трудно сказать, в какой мере можно распространить это положение на период постмодернизации, однако здесь есть над чем подумать.

Конечно, уже подрастает новое поколение, которое уверенно, с младых ногтей овладевает информационными технологиями, которое легко и непринужденно плавает в информационном океане. И тем не менее, когда студенты на семинарах или

<sup>3</sup> Вспомним, что Гегель в свое время определял идеологию как науку об идеях, о том, как они рождаются, живут и умирают. Социальная практика двух последующих столетий наполнила это понятие несколько иным содержанием.

экзаменах уверенно заявляют, что в России развивается сегодня постиндустриальное общество, я предлагаю им отследить по упоминавшейся выше матрице, какие же из постмодернистских тенденций социальных изменений характерны для нас. И оказывается, пока что ни одна! Подлинное пост-модернити для подавляющей части российского общества - пока еще будущее, а отнюдь не настоящее. Однако, учитывая закон ускорения истории, есть основания надеяться, что будущее это не столь уж и отдаленное.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анурин В.Ф.* Интеллект и социум. Н. Новгород, 1997. Гл. 3.
- Анурин В.Ф.* Основы социологических знаний. Н. Новгород, 1998.
- Анурин В.Ф.<sup>а</sup>* Глобальные революции как фактор возникновения цивилизаций // Мир в III тысячелетии. Диалог мировоззрений. Н. Новгород, 1999.
- Анурин В.Ф.<sup>б</sup>* Коммунистическое и/или постиндустриальное общество // Социологические исследования. М., 1999. № 7.
- Гречко П.К.* Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996.
- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Экономическая глобализация и постмодерн // Общественные науки и современность. 2000. № 1.
- Зеленов Л.А.* Постмодернизм - идеология мозаичного сознания // Духовный мир человека: проблемы и перспективы. Н. Новгород, 2000.
- Золотухина-Аболина Е.В.* Постмодернизм: распад сознания? // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
- Морган Г.* Древнее общество. М., 1935.
- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
- Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Чудинова В.П.* Функциональная неграмотность - проблема развитых стран // Социологические исследования. 1994. № 3.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 1960. Т. 21.
- Baudrillard J.* Simulations. 1983.
- Collins Dictionary of Sociology. 2nd ed. Glasgow, 1995.
- Collins R.* Functional and Conflict Theories of Educational Stratification // American Sociological Review. 1971.V. 36. P. 104.
- Lash S.* Sociology of Postmodernism. London, 1990.
- The Penguin Dictionary of Sociology. London, 1988.